

Раздел 1. Социально-экономическая политика России: обретение новых рубежей

1.1. Глобальный кризис и дискуссия о посткризисной экономической повестке¹

Глобальный кризис, начавшийся в 2007–2008 гг., оставался определяющим фактором социально-экономического развития ведущих стран мира, включая Россию. Мы рассматриваем кризис в данном случае не как циклическое колебание от роста к спаду (или от ускорения к торможению) в развитии страны или группы стран. Речь идет о достаточно длительном периоде турбулентности, когда в результате глубинных сдвигов формируется новая модель экономического роста, оказывающая существенное влияние на социально-экономическую ситуацию, на глобальные экономические и политические балансы.

Развитие современного глобального кризиса и вызываемые им геополитические и структурные сдвиги позволяют сделать три принципиальных вывода. Во-первых, драйвером вывода из кризиса становятся США, как это было и в предыдущих аналогичных кризисах XX в. Во-вторых, в мировой экономике уже произошел структурный сдвиг в пользу доминирования высокотехнологичных компаний при снижении роли сырьевых и обрабатывающих производств. В-третьих, формируется новая повестка по обеспечению экономического роста, новый экономический мейнстрим.

2014 г. продемонстрировал расхождение в экономическом развитии ключевых стран и регионов мира (*табл. 1*). Предположение пятилетней давности о новой роли *emerging economies* как возможном локомотиве вывода из кризиса не подтвердилось.

Ключевым фактором формирования новой, посткризисной экономической и технологической структуры, драйвером преодоления глобального кризиса становятся США. В этой стране повышается темп роста, формируются новые производственные секторы, сокращается разрыв между потреблением и сбережением. Бюджетный дефицит США сократился с 8,4% ВВП в 2011 г. до 2,9% ВВП в 2014-м, а безработица за тот же период – с 8,6 до 5,8%. Позитивная динамика позволила денежным властям США начать сворачивание сверхмягкой денежной политики,

---

¹ Автор выражает искреннюю признательность своим коллегам К. Рогову, С. Синельникову-Мурылеву, М. Хромову за помощь при подготовке этого раздела.

что привело к укреплению курса доллара. В очередной раз проявился феномен бегства в качество – улучшение ситуации в американской экономике повышает спрос на ее валюту. Это происходит каждый раз, несмотря на многочисленные предостережения о том, что доллар является «особо рискованной ценной бумагой, не обеспеченной никакими материальными активами».

Таблица 1

**Темп прироста ВВП в крупнейших странах мира,
% к предыдущему году**

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014*
Мир в целом	3,0	0,0	5,4	4,1	3,4	3,3	3,3
<i>Развитые экономики</i>	<i>0,1</i>	<i>-3,4</i>	<i>3,1</i>	<i>1,7</i>	<i>1,2</i>	<i>1,4</i>	<i>1,8</i>
G7	-0,3	-3,8	2,9	1,5	1,4	1,5	1,7
США	-0,3	-2,8	2,5	1,6	2,3	2,2	2,2
Япония	-1,0	-5,5	4,7	-0,5	1,5	1,5	0,9
Германия	0,8	-5,1	3,9	3,4	0,9	0,5	1,4
Великобритания	-0,8	-5,2	1,7	1,1	0,3	1,7	3,2
Франция	0,2	-2,9	2,0	2,1	0,3	0,3	0,4
Италия	-1,2	-5,5	1,7	0,5	-2,4	-1,9	-0,2
Канада	1,2	-2,7	3,4	2,5	1,7	2,0	2,3
Еврозона	0,4	-4,5	2,0	1,6	-0,7	-0,4	0,8
<i>Страны – члены ОЭСР</i>	<i>0,3</i>	<i>-3,5</i>	<i>3,0</i>	<i>1,9</i>	<i>1,4</i>	<i>1,4</i>	<i>1,9</i>
<i>Развивающиеся экономики</i>	<i>5,8</i>	<i>3,1</i>	<i>7,5</i>	<i>6,2</i>	<i>5,1</i>	<i>4,7</i>	<i>4,4</i>
БРИКС	6,9	5,0	9,1	7,2	5,6	5,6	5,3
Китай	9,6	9,2	10,4	9,3	7,7	7,7	7,4
Индия	3,9	8,5	10,3	6,6	4,7	5,0	5,6
Россия	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,4	1,3	0,2
Бразилия	5,2	-0,3	7,5	2,7	1,0	2,5	0,3
ЮАР	3,6	-1,5	3,1	3,6	2,5	1,9	1,4

*Оценка.

Источник: IMF, WEO Database, октябрь 2014 г.

Показателем важного структурного сдвига является то, что высокотехнологичные компании (прежде всего в секторах ИТ и биотехнологии) по капитализации становятся лидерами, опережая традиционные корпорации, включая энергетические компании (табл. 2). И если раньше, лет 10–15 назад, в этом видели признаки пузыря (dotcom crisis), то теперь налицо уже устойчивый тренд. В десятке крупнейших по капитализации компаний девять американских, тогда как компании emerging markets (включая китайские) теряют свои позиции.

Китай, сохраняя высокие темпы роста, не стал существенным фактором преодоления глобального кризиса. Здесь происходит важная трансформация в направлении усиления внутренних факторов роста. Огромный китайский рынок становится значимым для национальной экономики, что свидетельствует об осознании политической элитой этой страны важности формирования новой модели экономического роста.

Еврозона продолжает демонстрировать признаки нездоровья, хотя темпы роста здесь начинают повышаться. Ключевой проблемой остаются сложности модели, основанной на единой валюте без единой финансовой системы. Можно предположить, что со временем решение будет найдено и кризиса евро удастся избежать. Ситуация отчасти напоминает выход из мирового кризиса рубежа 1970–1980-х годов, когда западноевропейские страны начали наращивать темпы роста вслед за Соединенными Штатами.

Таблица 2

**Первые десять компаний мира по капитализации
в 1997, 2000 и 2014 гг.**

	1997		2000		III кв. 2014	
	Компания	Сектор	Компания	Сектор	Компания	Сектор
1	General Electric	Промышленный	General Electric	Промышленный	Apple	Технологический
2	Royal Dutch Shell	Нефтегазовый	Cisco Systems	Технологический	Exxon Mobil	Нефтегазовый
3	Microsoft	Программное обеспечение	Exxon Mobil	Нефтегазовый	Microsoft	Программное обеспечение
4	Exxon Mobil	Нефтегазовый	Pfizer	Фармацевтика	Google	Программное обеспечение
5	The Coca-Cola Company	Продукты питания	Microsoft	Программное обеспечение	Berkshire Hathaway	Инвестиционный
6	Intel Corporation	Технологический	Wal-Mart	Розничная торговля	Johnson & Johnson	Фармацевтика и биотехнологии
7	Nippon Telegraph and Telephone	Телекоммуникации	Citigroup	Банковский	Wells Fargo	Банковский
8	Merck	Фармацевтика	Vodafone	Телекоммуникации	General Electric	Промышленный
9	Toyota Motor Corporation	Машиностроение	Intel Corporation	Технологический	Novartis	Фармацевтика и биотехнологии
10	Novartis	Фармацевтика	Royal Dutch Shell	Нефтегазовый	Hoffmann-La Roche	Фармацевтика и биотехнологии

Источник: Financial Times Global 500.

Важный элемент глобального тренда связан с перспективами изменения цен на энергоносители. Практически двукратное падение цен, произошедшее за последние несколько месяцев 2014 г., хотя пока и не дошло до минимальных значений 2009 г., формирует ключевой вопрос (или даже загадку) года 2015-го: является ли этот сдвиг устойчивым (аналогично середине 1980-х) или временным (аналогично 2008–2009 гг.), за которым последует отскок. Сколько-нибудь строгий («научный») ответ на этот вопрос не представляется возможным: существуют аргументы в пользу обоих вариантов развития событий. Несомненно лишь то, что этот фактор станет значимым для формирования структуры посткризисной глобальной экономики. Для Европы устойчивое снижение цен на нефть представляется предпочтительным. Для США – нейтральным, поскольку они, скорее всего, могут получить преимущества (хотя и различные) при обоих вариантах ценовой динамики.

Для развивающихся стран-импортеров дешевая энергия является несомненным благом. Наконец, для производителей нефти это период непростых испытаний, который должен будет стимулировать проведение институциональных реформ. Хотя открытым остается вопрос, какого рода институциональный ответ будет дан. Вполне возможны два варианта институциональных преобразований – как в мобилизационной (административной), так и в либерализационной (экономической) логике. (Ниже мы рассмотрим это вопрос более подробно.)

По мере развертывания глобального кризиса сформировался ряд проблем национальной и глобальной повестки экономической политики, поиск ответов на которые будет находиться в центре внимания исследователей и практиков в среднесрочной перспективе.

Проблема темпов экономического роста. В десятилетие, предшествующее кризису, мир рос беспрецедентно высоким темпом, казавшимся результатом

вдруг обретенных экономико-политических инноваций, эффекты которых теперь будут действовать всегда. Это соображение лежало в основе нежелания денежных властей (особенно в США) сдерживать рост кредитования и тем самым тормозить перегрев экономики. Мы не будем обсуждать политику А. Гринспена более подробно, об этом уже немало написано и будет написано еще больше. Высокие темпы демонстрировали как развитые, так и развивающиеся страны, что было важным достижением экономической политики, несмотря даже на то, что она все-таки привела к «перегреву» и кризису.

Теперь рост замедлился, и в качестве ключевого встает вопрос: являются ли низкие темпы роста частью той самой «новой нормальности», о которой писали еще в начале кризиса? Тогда этот термин связывали преимущественно с особенностями денежной политики (количественными смягчениями и низкой процентной ставкой). Теперь речь идет о том, что результатом такой политики может стать устойчивый период низких темпов роста (*secular stagnation hypothesis*). Иными словами, предстоит ответить на вопрос, являются ли нынешние темпы роста отражением краткосрочных проблем (еще не преодоленного кризиса, общей политической неустойчивости) или это характерная черта будущей посткризисной модели экономического развития^{1,2}.

Соответственно встает вопрос и о перспективах развивающихся стран, особенно тех из них, от которых ожидали экономического чуда. Ведь и сама гипотеза о наличии стран БРИК несла в себе заявку на «экономическое чудо». С их динамичным развитием связывали немалые надежды.

Нетрадиционная макроэкономическая (прежде всего денежная) политика. Эта проблема непосредственно связана с экономическим ростом. С одной стороны, надо понимать, насколько долго может проводиться политика количественных смягчений и в какой мере ее прекращение приведет к замедлению темпов роста с возможной новой рецессией. С другой стороны, непонятны долгосрочные последствия проводимой денежной политики, которая беспрецедентна и в значительной мере противоречит опыту и логике монетарной сдержанности, характерной для развитых стран периода 1980–2000-х годов (после стагфляции 1970-х). В нынешней ситуации сохраняется риск своеобразной ловушки денежной политики: низкие темпы роста будут заставлять снижать ставки, а повышение их с началом оживления будет вновь сталкивать темпы роста к нулевой отметке.

Современная ситуация в развитых странах привела к существенному пересмотру понимания ключевых макроэкономических угроз. После стагфляционных проблем 1970-х годов основной макроэкономической задачей считалось сдерживание инфляции – она доминировала и в развитом мире, она же выдвигалась в качестве основной макроэкономической рекомендации для развивающихся стран. Теперь, по прошествии нескольких десятилетий и в результате дефляционных

---

¹ Teulings Coen and Baldwin Richard (eds.) (2014). *Secular Stagnation: Facts, Causes and Cures*. A VoxEU.org eBook. London: CEPR Press.

² Л. Саммерс поставил под сомнение возможность обеспечения устойчивого роста в США в обозримой перспективе и в связи с этим предостерег от слишком решительного сворачивания мер ФРС по стимулированию роста (см. Summers Laurence (2014). *Reflections on the «New Secular Stagnation Hypothesis»* // Teulings Coen and Baldwin Richard (eds.). *Secular Stagnation: Facts, Causes and Cures*. A VoxEU.org eBook. London: CEPR Press).

проблем последних лет, инфляция перестала восприниматься как главная макроэкономическая проблема, повторяя то, что было на заре кейнсианской революции. Поддержку находят предложения о целесообразности повышения целевых показателей инфляции в рамках инфляционного таргетирования.

Постепенно получают осторожное признание экономико-политические рекомендации, еще недавно казавшиеся старомодными и фактически табуированными в экономико-политических дискуссиях. В частности, все чаще речь заходит о возможности введения элементов валютного контроля. События последних лет показывают, что либерализация рынка капитала подчас создает существенные риски, которые нельзя игнорировать. Сыграл свою роль и положительный опыт использования валютного контроля рядом азиатских стран (особенно Малайзии) для преодоления кризиса 1997–1998 гг. Правда, оговаривается, что ограничительные меры на движение капитала могут оказаться оправданными при соблюдении двух условий. Во-первых, если они нацелены не на структурное сдерживание потоков капитала, а на поддержание макроэкономической стабильности и устойчивости финансового сектора, на смягчение конъюнктурных колебаний. Во-вторых, если ограничительные меры действуют непродолжительный период времени, который используется для институциональных реформ, повышающих эффективность финансового рынка и создающих благоприятные условия для инвесторов. Без соблюдения этих условий ограничения на движение капитала не дадут устойчивого результата и будут вести лишь к снижению эффективности экономики и коррупции¹. Как показывает исторический опыт, обеспечить реализацию этих условий на практике бывает очень сложно, и большинство попыток последнего времени по задействованию этого инструмента оказывалось неэффективным.

Более определенной становится ситуация с возможностями стимулирования экономического роста при помощи бюджетной политики (дискуссия о целесообразности или нецелесообразности бюджетного ужесточения – *austerity*). Столкнувшись с тяжелым бюджетным кризисом, правительства ряда развитых стран стали пропагандировать и проводить политику наращивания бюджетных расходов в качестве традиционной антициклической меры. Но, скорее всего, такую политику может позволить себе только страна, эмитирующая резервную валюту, т.е. США. Европейский опыт показывает, что более успешными в политическом и экономическом отношении странами являются те, кто проводит жесткую бюджетную политику на фоне мягкой денежной (Великобритания и Германия прежде всего, но также и Португалия). Попытки проведения мягкой бюджетной политики во Франции вряд ли можно признать успешными и для экономического роста, и для популярности социалистического правительства².

---

¹ Схожие выводы содержатся в исследовании МВФ (Saborowski Christian, Sanya Sarah, Weisfeld Hans, Yezpez Juan (2014). *Effectiveness of Capital Outflow Restrictions*. Washington D.C.: IMF). В нем показывается, что введение ограничений на движение капитала может оказаться эффективным при наличии хотя бы одного из трех условий: здоровая макроэкономика (*strong macroeconomic fundamentals*), развитая институциональная среда и, наконец, существование полноценной системы контроля на протяжении предшествующего длительного времени.

² Поддерживая позицию социалистического руководства Франции, не желающего снижать в обозримом будущем бюджетный дефицит до Маастрихтского критерия в 3% ВВП, левый премьер-министр Италии М. Ренци заявил, что лучше более высокий дефицит, чем победа на выборах пра-

Перспективы глобализации и глобальных дисбалансов. Уже накануне и в начале нынешнего кризиса ряд экономистов видел в глобальных дисбалансах важнейший источник нарастающих проблем. Речь шла о фактическом разделении мира на потребляющие и сберегающие страны, когда рост потребления концентрировался в развитых странах (и особенно в США), а производства – в развивающихся (прежде всего в Китае). На этой основе появился даже термин *Chimerica*¹.

За минувшие с начала кризиса годы произошло некоторое смягчение дисбалансов, что связано и с развитием новых технологий на Западе, и с удорожанием труда в Азии (включая Китай). Однако сама эта проблема влечет за собой другой, более сложный вопрос – о перспективах глобализации как важнейшего феномена последней четверти века. В результате роста благосостояния в ряде развивающихся стран сложилась новая реальность – они все менее способны по стоимости труда конкурировать с развитым миром. Теперь они должны конкурировать преимущественно за счет институциональных улучшений, за счет обеспечения лучшего предпринимательского климата. В *emerging markets* теперь все большее внимание надо уделять не столько поддержке экспорта (он тоже важен и даже несколько может расти), сколько улучшению условий для предпринимательской деятельности безотносительно к тому, на какие рынки ориентирован экспорт. Более того, с ростом благосостояния развивающихся стран их внутренний рынок становится не менее, а то и более важным для их роста, чем рынки развитых стран.

Таким образом, рост издержек в развивающихся странах, с одной стороны, и рост их внутреннего спроса – с другой, могут стать фактором замедления темпов роста мировой торговли или даже некоторого сокращения мирового товарооборота. Иными словами, не исключена возможность деглобализации.

В этом нет ничего беспрецедентного. Деглобализации происходили и в 1870–1880-х годах, и в середине XX в. По-видимому, периоды глобализации и деглобализации периодически сменяют друг друга.

Фактором деглобализации может стать и еще одна тенденция последнего времени – *реиндустриализация развитых стран*. На протяжении последних пятидесяти лет в них происходило сокращение доли промышленности в ВВП и в занятости, причем посткоммунистическая Россия также активно включилась в этот процесс. Критики современного капитализма видели в этих процессах деиндустриализацию, большинство же исследователей характеризовало их как формирование постиндустриальной экономики и общества.

Современная реиндустриализация может быть результатом действия ряда факторов. И удорожание труда в *emerging markets* не является здесь определяющим. В конце концов, существует еще немало бедных и относительно стабильных стран, куда можно переносить производство для минимизации издержек. Реиндустриализация, если эта тенденция найдет свое подтверждение, представляет собой не возврат традиционных производств в развитые страны, а формирование новых

вых во главе с Марин Ле Пен. «I prefer to have a France with 4,4 per cent [deficit-to-GDP ratio] today than a France with Marine Le Pen tomorrow. This is very important for Europe» (Politi James (October 3, 2014). Berlin has no right to lecture, says Renzi // The Financial Times). Это один из примеров доминирования политики над экономикой, что становится характерной чертой современного глобального кризиса.

¹ Ferguson N. The Ascent of Money: A Financial History of the World. N.Y.: The Penguin Press, 2008.

отраслей промышленности, характерной чертой которых является снижение доли труда в издержках и усиление значимости таких факторов, как близость исследовательской базы (в связи с ростом доли R&D) и основного потребительского спроса. Удорожание труда в ведущих развивающихся странах вносит лишь некоторый дополнительный вклад в этот процесс.

Важным фактором реиндустриализации может стать и трансформация рынка энергоресурсов. Удешевление энергии связано с новейшими технологическими решениями по извлечению нетрадиционных видов газа и нефти, а также с существенным расширением возможностей их транспортировки. Следствием этого становится «революция энергетических цен».

Проблема неравенства – еще одна тема, ставшая исключительно актуальной в последнее время. Если в предшествующие десятилетия эта тема обсуждалась преимущественно в глобальном контексте – с точки зрения соотношения развитых и развивающихся стран, то теперь в центре внимания оказались вопросы неравенства в развитом мире. У этой проблемы есть два аспекта.

С одной стороны, динамика неравенства в ходе экономического роста. Фактически речь идет о возврате к обсуждению гипотезы С. Кузнеца¹ относительно перспектив соотношения уровня экономического роста и неравенства по мере ухода от традиционной индустриальной модели и глубоких структурных сдвигов современных развитых экономик.

С другой стороны, актуален вопрос о влиянии неравенства на экономический рост, т.е. о том, в какой мере рост неравенства может стать фактором торможения или ускорения экономического развития. Очевидно, что в данном пункте вопросы неравенства пересекаются с темой длительного торможения, а также с вопросом о современных формах социального государства (или государства всеобщего благосостояния, welfare state), соответствующего демографическим и политическим реалиям XXI в.

Особое внимание эта тема получила после выхода книги Томаса Пикетти². Он обратил внимание на то, что в современном мире помимо межстранового неравенства наблюдается тенденция к усилению неравенства в распределении доходов и, особенно, сбережений. Причем последнее характерно как для развитых стран, так и для «верхней» группы развивающихся экономик.

Неравенство в распределении сбережений, по мнению Пикетти, играет важную роль в наблюдаемом замедлении экономик. Концентрация большого объема сбережений (формируемого в том числе за счет доходов от операций по всему миру) у небольшой доли населения создает на внутреннем рынке условия для превышения предложения ресурсов над спросом на инвестиции. Это толкает процентные ставки вниз, однако в условиях замедления экономической активности и низкой инфляции это лишает денежные власти возможностей для проведения стимулирующей политики за счет низких процентных ставок (номинальная ставка про-

---

¹ Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread. New Haven and London: Yale University Press, 1966.

² Piketty T. Capital in the Twenty First Century. The Belknap Press of Harvard University Press. Cambridge, 2014.

цента не может быть ниже нуля – так называемое ограничение нижней нулевой границы, zero lower bound).

Перечисленные вопросы требуют переосмысления теоретических основ современной экономической политики и общепринятых практических рекомендаций. На протяжении 1980–2000-х годов ключевым вопросом экономической политики было обеспечение экономического роста и макроэкономической стабильности, а основные препятствия на этом пути видели в высокой инфляции и избыточном государственном вмешательстве. Концентрированное выражение понимания этих задач и рисков нашло в так называемом «Вашингтонском консенсусе» – своде базовых рекомендаций преимущественно для развивающихся стран¹. При сохранении важности макроэкономической стабильности теперь перед экономистами и политиками встала задача нахождения дополнительных инструментов регулирования экономического развития, которые позволили бы избежать длительной стагнации на фоне низкой инфляции.

Перечисленные новые явления и тенденции нуждаются в эмпирическом подтверждении и теоретическом исследовании. Можно предположить, что эти вопросы станут важной частью исследовательских программ экономистов и войдут в качестве элементов новой экономической парадигмы.

1.2. Россия – экономико-политические тренды

1.2.1. Наложение кризисов

Ключевой характеристикой социально-экономического и политического развития 2014 г. стало совмещение, взаимное наложение нескольких кризисов. В данном случае мы имеем в виду кризис не в каком-то одном, строгом значении (например, экономическом), но как ряд тенденций и событий, каждое из которых выходит за рамки устойчивого, инерционного тренда и существенно усложняет принятие экономико-политических решений.

Можно выделить следующие кризисы и проблемы, которые сконцентрировались в настоящее время в России:

- продолжается глобальный структурный кризис, ведущий к глубоким сдвигам в экономике и политике ведущих стран мира, к возникновению новых геоэкономических и геополитических балансов, причем в России этот кризис носит запаздывающий характер;
- кризис модели экономического роста России 2000-х годов, в основе которой лежало повышение спроса (в том числе потребления) при наличии незадействованных производственных мощностей и длительном росте цен на продукты российского экспорта;
- обострилась геополитическая обстановка, что отчасти связано с заметно возросшей внешнеполитической активностью России, хотя и не сводится к ней, – сама эта активность является следствием сдвигов, происходящих в результате глобального кризиса;

---

¹ Williamson J. What Washington Means by Policy Reform // Williamson J. (ed.): Latin American Readjustment: How Much Has Happened. Washington D.C.: Institute for International Economics, 1989.

- внешнеэкономический шок, идущий от предпринятых против России отраслевых санкций, прежде всего в финансовой сфере;
- внешнеэкономический шок в результате падения цен на нефть – важнейшего источника доходов российского бюджета;
- валютный кризис как результат двойного внешнего шока (прежде всего падения цен на нефть, но отчасти и финансовых санкций);
- циклический кризис, связанный со снижением инвестиционной активности (впрочем, циклический лишь отчасти, поскольку у снижения инвестиционной активности есть и очевидные политические предпосылки);
- демографический кризис как сокращение численности населения в трудоспособном возрасте.

Каждая из этих проблем достаточно понятна и вполне управляема в рамках ответственной экономической политики. Однако наложение их друг на друга создает серьезные трудности, поскольку для их преодоления требуется принятие не просто различных, но подчас диаметрально противоположных мер.

Обсуждая названные кризисы, надо видеть их различную роль по отношению к развитию ситуации в России. Ключевым, по нашему мнению, является глобальный кризис, ведущий к структурным сдвигам в мировой экономике и политике, с чем связана и необходимость трансформации сложившейся в России модели роста. Эта модель демонстрировала признаки исчерпания уже к 2008 г., о чем предупреждали экономисты практически всех направлений. Однако кризисный спад 2009 г. и отскок упавших тогда цен на нефть позволили продлить время ее существования еще на несколько лет. Начавшееся же в 2013 г. существенное падение темпов экономического роста вновь напомнило о необходимости структурных и институциональных реформ. Геополитические факторы (включая санкции) при всей их важности играют вторичную роль, обостряя ситуацию, но одновременно создавая и дополнительные возможности для антикризисного маневрирования и институционального обновления.

Складывающиеся внутренние и внешние обстоятельства привели к ряду существенных новаций в экономической и политической жизни страны, к усилению взаимного влияния политических и экономических факторов. Как уже было отмечено выше, политика начинает доминировать над экономикой, что вообще характерно для периодов кризисов и трансформаций.

1.2.2. Идеологический и политический контекст

Идеологический фон 2014 г. формировался под знаком усиления конфронтации с Западом, причем с ростом взаимного непонимания и неприятия с обеих сторон. Западная модель идеологического (а отчасти и политического) развития воспринимается значительной частью российской элиты и среднего класса все более негативно. Опросы общественного мнения свидетельствуют о высоком уровне недоверия к Западу (прежде всего к США и ЕС) при соответствующей высокой поддержке российского руководства, активно критикующего «западных партнеров»¹.

---

¹ Согласно исследованиям «Левада-центра», если в 1990 г. почти 90% опрошенных позитивно относились к США и лишь порядка 10% негативно, то в 2014 г. ситуация зеркально противоположна

Почти 20-тилетний период попыток взаимного сближения, иногда выглядевших искренне, но часто неуклюже, сменился более понятными и более привычными для обеих сторон отношениями в логике «мы и они». Россия и Запад вернулись к традиционному противостоянию. Переход от формата G-8 к G-7 расставил все по своим местам, привел задачу к понятному всем исходному состоянию. Строго говоря, это очередная волна цикла отношений союзничества и недоверия, хорошо известного из истории последних 300 лет. Крым в этом отношении стал скорее предлогом, позволившем обеим сторонам вернуться к привычной модели¹.

Здесь, правда, возникает несколько вопросов, важных с точки зрения посткризисного развития России и ее партнеров.

В какой мере Россия сможет политически и, главное, экономически переориентироваться на другие страны и регионы? Политически здесь наиболее очевидной группой являются страны БРИКС – объединение, которое из умозрительного филологического упражнения банковского аналитика стало за последние годы приобретать политические очертания. По-видимому, у руководителей стран, входящих в это объединение, есть амбиции превратить БРИКС в механизм, не менее влиятельный, чем «семерка». Россия после завершения формата «восьмерки» в 2014 г. еще более заинтересована в укреплении влияния этой группировки, чему может способствовать российское председательствование в ней. У этого формата есть еще один аспект, важный для России, – недопущение фактического (а то и формального) появления «большой двойки», состоящей из США и Китая, о чем несколько лет назад писал З. Бжезинский².

С экономической точки зрения ситуация более сложная. С одной стороны, на ЕС приходится доминирующая доля во внешнеэкономических связях России, и это не может быть быстро изменено – да и стремиться к этому не требуется. С другой стороны, Китай как вторая экономика мира и естественный сосед России при всей готовности к сотрудничеству вряд ли пойдет на активные экономические действия по нейтрализации западных санкций. Разворот в китайском направлении не может быть самостоятельной экономической и политической стратегией. Не

ная – 17% и 75% соответственно. Примерно такие же цифры демонстрируют отношение россиян к ЕС. Тогда как рейтинги поддержки В.В. Путина после присоединения Крыма устойчиво превышают 80%.

¹ Некоторые западные исследователи обращают внимание на то, что подобное развитие событий было практически запрограммировано изначально настороженным отношением ЕС и НАТО к постсоветской России. Дж. Сакс, который был консультантом польских реформ и в начале 1990-х годов пытался оказывать помощь российскому правительству, отмечает, насколько радикально отличалось восприятие западным политическим истеблишментом проблем в двух странах. По отношению к Польше был взят курс на сближение с экономически развитыми странами, на оказание всемерной экономической помощи, включая списание внешнего долга. Однако подобные меры отвергались применительно к России (хотя она взяла на себя весь внешний долг СССР), которая воспринималась как потерпевшая поражение и по отношению к которой фактически предлагалось проводить политику сдерживания, недопущения ее укрепления. Естественно, заключает Дж. Сакс, это не могло не привести при укреплении России к кризису в отношениях с Западом (см.: Sachs J. (2014) Why the shadow of WW1 and 1989 hangs over world events // <http://www.bbc.com/news/magazine-30483873>; Sachs J. (2014). Time to End the Cold War Once and for All // <http://www.cnn.com/id/102289227#>).

² Brzezinski Z. (2009). The Group of Two that could change the world // The Financial Times. January 14. P. 9.

говоря уже о том, что ключевыми проблемами внешнеэкономического сотрудничества для России является получение капитала (инвестиций) и технологий, а для этого партнерства с БРИКС и иными развивающимися странами будет явно недостаточно.

Еще одним вариантом альтернативной экономической парадигмы является постсоветская интеграция, которая стала активно развиваться и институционализироваться в последние годы. Создание Таможенного союза (ТС), а с 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС), расширение группировки до пяти стран является важным направлением экономической политики России. Хотя формирование этого интеграционного объединения идет непросто, сам факт продвижения к нему трудно переоценить.

Еще только предстоит оценить масштабы произошедшего идеологического разрыва с Западом. На протяжении последних 300 лет Россия воспринимала себя частью западной цивилизации, причем стремление «догнать и перегнать» часто совмещалось с утверждениями о том, что по определенным направлениям она превосходит формы политической или экономической организации будущего. Даже СССР в своих классических формах рассматривался не как альтернатива Западу, а как модель, указывающая ему путь в коммунистическое завтра.

Сейчас, похоже, базовые ориентиры претерпевают трансформацию: в логике «многополярного мира» и «конфликта цивилизаций»¹ отчетливо формируется модель «особого пути». Правда, здесь пока существует важная развилка. С одной стороны, это может быть особая модель развития, принципиально отличная от западной. С другой – здесь налицо и элементы чисто западной идеологии консерватизма и традиционализма. Этот тренд может означать и возврат к традиционным ценностям христианской цивилизации, и возрождение идей европейского национализма XIX в., и *realpolitik* (в стиле А.М. Горчакова, О. Бисмарка или Б. Дизраэли). Последнее подтверждается готовностью части европейских правых солидаризироваться с современной Россией.

Отсюда вытекает и терминологическое переосмысление стоящих перед страной ключевых вызовов. После завершения трансформационного кризиса, т.е. в 2000-е годы, речь шла о необходимости инновационного развития. Затем в центре внимания оказалась модернизация. А теперь главным лозунгом стало импортозамещение.

1.2.3. Экономические особенности 2014 г.

Наложение нескольких кризисов создает серьезные осложнения для экономического развития России в настоящее время и предъявляет особые требования к ее экономической политике. Здесь важны как взвешенный анализ негативных трендов и проблем, с ними связанных, так и понимание позитивных элементов, которые можно задействовать в антикризисной политике.

Каковы основные характеристики экономической ситуации 2014 г., которые влияют на среднесрочное развитие страны? См. *табл. 3, 4 и 5.*

---

¹ Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon&Schuster, 1996.

Таблица 3

Основные экономические показатели РФ в 2008–2014 гг.

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
ВВП, прирост в % к аналогичному периоду предыдущего года	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,4	1,3	0,6
Промышленность, прирост в % к аналогичному периоду предыдущего года	0,6	-10,7	7,3	5,0	3,4	0,4	1,7
Сельское хозяйство, прирост в % к аналогичному периоду предыдущего года	10,8	1,4	-11,3	23,0	-4,8	5,8	3,7
Конечное потребление домашних хозяйств, прирост в % к аналогичному периоду предыдущего года	10,6	-5,1	5,5	6,8	7,8	5,0	1,9
Инвестиции в основной капитал, прирост в % к аналогичному периоду предыдущего года	9,5	-13,5	6,3	10,8	6,8	-0,2	-2,5
Профицит («+»)/дефицит («-») бюджета расширенного правительства, % ВВП	4,9	-6,3	-3,4	1,5	0,4	-1,3	-1,2
Резервный фонд (2007 г. – Стабилизационный фонд), на конец года, млрд долл.	137,09	60,52	25,44	25,21	62,08	87,38	87,91
Фонд национального благосостояния, на конец года, млрд долл.	87,97	91,56	88,44	86,79	88,59	88,63	78,00
Международные резервы Банка России, на конец года, млрд руб.	427,1	439,0	479,4	498,6	537,6	509,6	385,5
Индекс потребительских цен, декабрь к декабрю	13,3	8,8	8,8	6,1	6,6	6,5	11,4
Индекс цен производителей, декабрь к декабрю	-7,0	13,9	16,7	12,0	5,1	3,7	5,9
Ключевая ставка Банка России, в среднем за год, % годовых	6,9	8,3	5,3	5,3	5,3	5,5	7,9
Средняя процентная ставка по кредитам предприятиям в рублях, в среднем за год, % годовых	12,2	15,3	10,8	8,5	9,1	9,5	11,1
Средняя процентная ставка по депозитам физических лиц (кроме депозитов до востребования)	7,6	10,4	6,8	5,4	6,5	6,6	6,7
Общий уровень безработицы (методология МОТ), в среднем за год	6,2	8,3	7,3	6,5	5,5	5,5	5,2

Источник: Росстат, Минфин, Банк России.

Таблица 4

Отдельные показатели платежного баланса и внешней задолженности РФ в 2008–2014 гг., млрд долл.

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Сальдо счета текущих операций	103,9	50,4	67,5	97,3	71,3	34,1	56,7
Торговый баланс	177,6	113,2	147,0	196,9	191,7	181,9	185,6
Экспорт	466,3	297,2	392,7	515,4	527,4	523,3	493,6
Импорт	-288,7	-183,9	-245,7	-318,6	-335,8	-341,3	-308,0
Прямые инвестиции*	19,1	-6,7	-9,4	-11,8	1,8	-16,1	-28,5
В экономику РФ	74,8	36,6	43,2	55,1	50,6	70,7	18,6
За границу	-55,7	-43,3	-52,6	-66,9	-48,8	-86,7	-47,1
Резервные активы («-» – рост)	38,9	-3,4	-36,8	-12,6	-30,0	22,1	107,5
Внешний долг на конец года, всего	480,5	467,2	488,9	538,9	636,4	728,9	599,5
Органы государственного управления	29,5	31,3	34,5	34,7	54,4	61,7	41,5
Центральный банк	2,8	14,6	12,0	11,5	15,6	16,0	10,4
Банки	166,3	127,2	144,2	162,8	201,6	214,4	171,1
Прочие секторы	282,0	294,1	298,2	329,8	364,8	436,8	376,5

* 2014 г. – без учета банков.

Источник: Банк России.

Таблица 5

**Структура капитальных операций частного сектора
РФ в 2008–2014 гг., млрд долл.**

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Всего	-133,7	-57,9	-35,3	-83,0	-56,5	-62,1	-151,5
в том числе							
Банковский сектор	-56,9	-30,4	15,9	-23,9	18,5	-7,5	-49,8
Внешние пассивы	8,2	-42,1	17,7	7,8	33,3	20,4	-37,1
Внешние активы	-65,1	11,8	-1,8	-31,8	-14,8	-27,9	-12,7
Прочие секторы	-76,8	-27,6	-51,2	-59,1	-75,0	-54,6	-101,7
Внешние пассивы	98,6	34,2	24,9	58,9	39,8	95,6	0,9
из них							
ПИИ	64,9	30,1	37,8	50,0	42,8	61,5	18,6
прочие обязательства	33,7	4,1	-13,0	8,9	-3,0	34,1	-17,7
Внешние активы	-175,4	-61,7	-76,1	-118,0	-114,8	-150,2	-102,6
из них							
наличная валюта	-25,2	4,3	14,2	4,0	-1,4	0,3	-33,9
прочие активы	-150,2	-66,0	-90,2	-122,0	-113,4	-150,5	-68,7

Источник: Банк России.

Прежде всего это торможение экономического роста, которое началось еще в 2012 г., а в 2015 г. рост может стать отрицательным. Сам по себе спад экономики не является большой проблемой, если он будет непродолжительным. Опасна длительная рецессия, которая стала бы результатом неадекватной антикризисной экономической политики. Примером этого может быть известная политика ускорения образца 1986–1989 гг., как раз обернувшаяся длительным кризисом¹.

Проблемой стала дестабилизация национальной валюты. Было бы неправильно объяснять резкую девальвацию декабря 2014 г. ошибками денежных властей. Главной причиной девальвации являются структурные проблемы российской экономики, о которых на протяжении последних 10 лет писали практически все экономисты, придерживающиеся по другим вопросам противоположных взглядов. Слабая диверсификация экономики, низкая конкурентоспособность значительной части предприятий, низкий уровень доверия в обществе, а также сохраняющийся на протяжении двух десятилетий высокий инфляционный фон делают экономику крайне чувствительной к динамике цен на нефть и к доступности внешнего дешевого финансирования. Поэтому изоляция страны от внешних финансовых рынков при одновременном падении цен на нефть не могли не привести к падению курса национальной валюты. Можно сколько угодно искать и находить другие причины (объективные и субъективные), но они будут вторичными по отношению к двум названным экзогенным факторам.

Сочетанием названных обстоятельств объясняется тот факт, что рубль оказался гораздо уязвимее валют других сырьевых экономик. В этом – существенное отличие от 2009 г., когда ослабление рубля было сопоставимо с валютами других аналогичных стран (рис. 1 и 2).

¹ Мау В. В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 году // Вопросы экономики. 2014. № 2. С. 22–24.

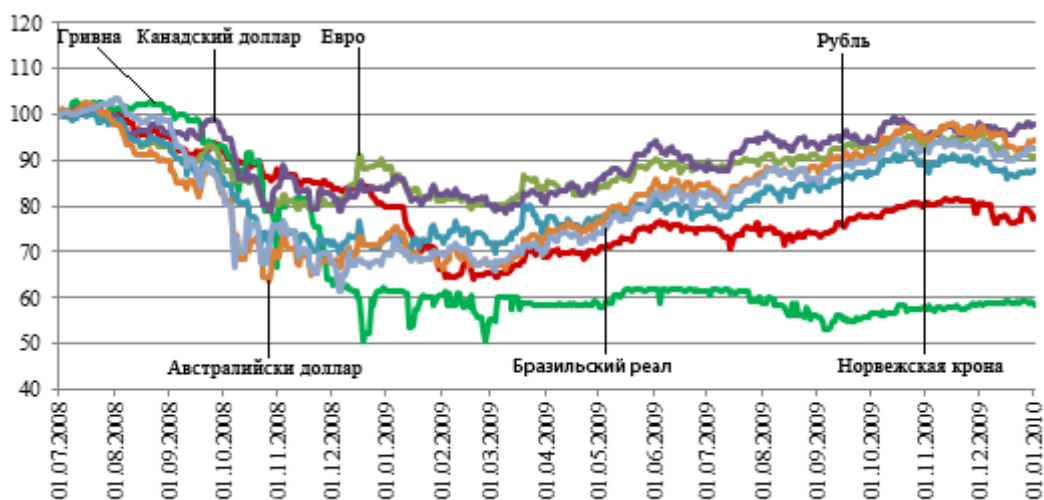

Рис. 1. Динамика курса рубля в 2008–2009 гг. по сравнению с валютами ряда стран (1.07.2008 = 100)

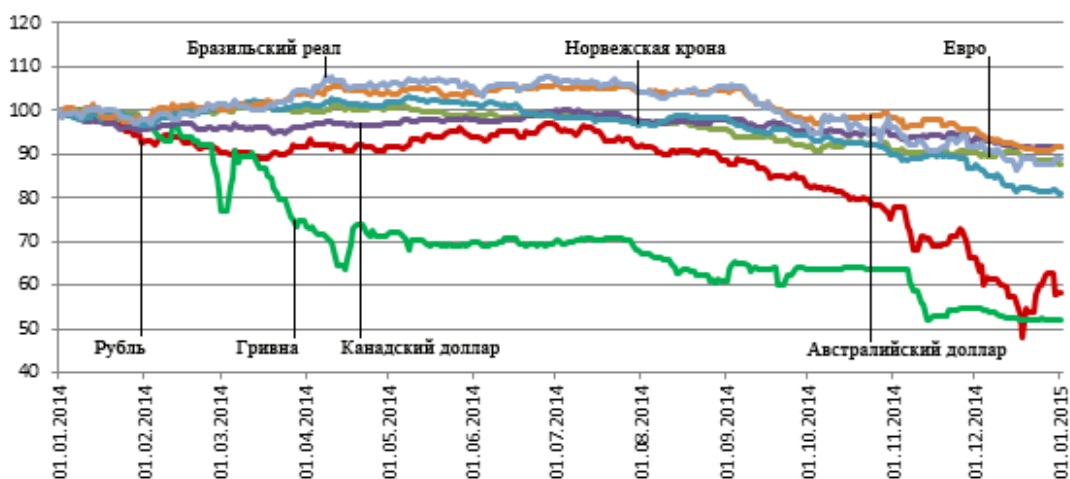

Рис. 2. Динамика курса рубля в 2014 г. по сравнению с валютами ряда стран (1.01.2014 = 100)

Рост политической неопределенности стал еще одним фактором снижения предпринимательской и инвестиционной активности. Это привело к оттоку капитала, сопоставимому по масштабам с 2009 г. Однако тогда ситуация обострялась почти 9%-м снижением ВВП.

Ускорился рост цен, что явилось естественным следствием девальвации рубля. Инфляция вновь вышла в двузначную область, что существенно обостряет экономические (через процентные ставки) и социальные проблемы. Подавление инфляции – одна из главных задач, снова стоящих перед экономической политикой России.

Серьезной проблемой становится закрытие доступа российских компаний к мировому финансовому рынку. Это сказалось на возможности как привлечения кредитов (в том числе и для рефинансирования накопленных долгов), так и размеще-

ния акций российских компаний за рубежом. По сравнению с 2013 г. втрое снизился объем сделок по слиянию и поглощению (M&A) и более чем вчетверо – объем привлеченных синдицированных кредитов (с 48,4 до 11,7 млрд долл.). Привлечение компаниями евробондов сократилось с 52,6 млрд долл. до примерно 10 млрд долл.

Дело здесь не только в прямом ограничении доступа на рынки капитала тех стран, которые официально объявили о санкциях (США, ЕС, Канада, Япония). Во-первых, замещение капитала за счет рынков других стран, в том числе быстрорастущих азиатских, представляется проблематичным, поскольку в условиях глобализации финансовые институты третьих стран с осторожностью относятся к попавшим под санкции корпорациям, не желая портить отношения с регуляторами стран, вводящих санкции. Во-вторых, усложняется доступ на рынки капитала и для компаний, формально не попавших под санкции, поскольку инвесторы высоко оценивают страновые риски. В-третьих, на российском бизнесе отражается и ситуация в мировой конъюнктуре, т.е. не вполне ясные перспективы глобального роста (перспективы *secular stagnation*), и снижение спроса на основные позиции российского экспорта (энергетика, металлургия и др.).

Девальвация рубля, ограничение доступа на финансовые рынки в сочетании со снижением инвестиционных рейтингов страны и отдельных компаний усложняют выплату внешнего долга банков и корпораций, который достигал к началу 2014 г. 651 млрд долл., а к 1 января снизился до 548 млрд долл. (*табл. 4*). Хотя это определенный положительный результат с точки зрения перспектив макроэкономического оздоровления, однако в краткосрочном периоде сокращение присутствия российских компаний на мировых финансовых рынках станет дополнительным негативным фактором экономического роста.

Существенно усилился отток капитала, что также отражает бегство в качество. Динамику этого оттока имеет смысл сравнивать не только с более стабильным 2013 г., но и с кризисным периодом 2008–2009 гг., когда пик оттока капитала пришелся на III квартал 2008 г. – II квартал 2009 г. и составил 183 млрд долл. – на 31 млрд долл. больше, чем в 2014 г. Правда, в тот период российские небанковские корпорации смогли наращивать внешние активы, в том числе прямые инвестиции. В кризис 2008–2009 гг. эти активы выросли на 41 млрд долл. больше, чем в 2014 г. (142 млрд против 101 млрд долл.). Отток капитала из банковского сектора в кризис 2008–2009 гг. был на 32 млрд долл. больше, чем за три квартала 2014 г., причем помимо значительного погашения внешней задолженности банки тогда интенсивно наращивали иностранные активы (*табл. 5*).

В 2014 г. главной причиной увеличения чистого оттока капитала стали замедление притока внешних займов и инвестиций, а также вложения в наличную иностранную валюту. Если очистить показатели 2013 г. от влияния сделки «Роснефти» по покупке ТНК-ВР и внешних займов на эти цели, то за 2014 г. чистый отток вырос на 98,0 млрд и составил 151,5 млрд долл.

Практически весь рост вложений в иностранные активы небанковского сектора был обеспечен увеличением вложений в наличную иностранную валюту. Если в 2013 г., по оценкам Банка России, ее объем у российских резидентов сократился на 0,3 млрд долл., то за 2014 г. он вырос на 34,1 млрд долл., почти как в кризис 2008–2009 гг.

Одним из показателей нарастания проблем в российской экономике стала динамика заработной платы и прибыли в ВВП. Мы уже обращали внимание на то, что на протяжении последних 20 лет превышение доли зарплаты уровня в 50% ВВП является индикатором приближающегося кризиса¹. Как видно из *рис. 3*, ключевую роль здесь играет реальный курс рубля. Его укрепление ведет к снижению доли экспорта в ВВП (даже в условиях роста цен на нефть), что означает рост доли труда. При девальвации доля труда падает, что становится одним из факторов повышения конкурентоспособности и роста доли экспорта в ВВП. Так происходило в 1998–1999 гг. Отчасти это произошло и в 2009 г., но из-за несущественной девальвации эффект с точки зрения повышения конкурентоспособности оказался ограниченным.

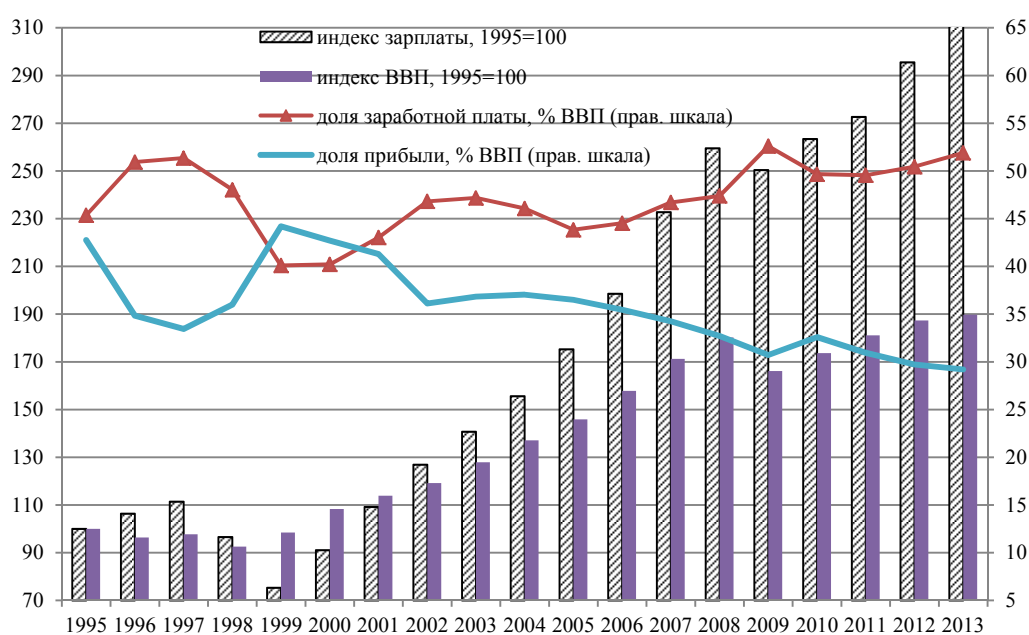

Рис. 3. Динамика зарплаты и прибыли в ВВП России, 1995–2013 гг.

При всех перечисленных проблемах 2014 г. важно видеть сохранение ряда положительных элементов макроэкономической ситуации в стране, которые могут стать опорными рычагами для преодоления наступающего кризиса. К ним относятся:

- сбалансированный бюджет, который удалось удержать под контролем благодаря наличию «бюджетного правила»;
- низкий государственный долг, и особенно долг, номинированный в иностранной валюте;
- сохранение значительных валютных резервов у Банка России и правительства РФ;
- низкая безработица как фактор обеспечения социальной стабильности.

¹ Мау В. В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 году // Вопросы экономики. 2014. № 2. С. 14.

К этим показателям можно было бы добавить существенное улучшение позиций России в рейтинге Всемирного Банка *Doing Business*, по которому Россия неуклонно продвигается в соответствии с задачей, поставленной в майском 2012 г. Указе президента России. Однако на данный момент это продвижение выглядит парадоксальным, поскольку улучшение позиций в рейтинге коррелирует с замедлением темпов роста, тогда как в предшествующее десятилетие экономика росла высокими темпами на фоне последовательного снижения позиций в рейтинге. Впрочем, это не означает, что впредь нужно игнорировать этот показатель. Но очевидно, что экономический рост – это результат взаимодействия разнообразных и разнонаправленных факторов.

Еще одним важным позитивным результатом 2014 г. следует признать, что Центральный банк продемонстрировал способность действовать независимо, вопреки мнению большинства экономической и политической элиты. Это касалось и политики процентных ставок, и последовательной работы по расчистке банковского сектора. За год Центробанк отозвал 85 лицензий – 72 у банков и 13 у небанковских кредитных организаций в результате раскрытия ими различных схем искажения балансов.

При всех издержках принятого решения о переходе к инфляционному таргетированию в установленные ранее сроки (к 2015 г.) оно представляется уместным и своевременным. Это позволило сохранить значительную часть валютных резервов. Последнее особенно важно по сравнению с ситуацией 2008–2009 гг. За 5 месяцев (с сентября 2008 г. по январь 2009 г.) Банк России продал около 40% (209 млрд долл.) резервов для удержания курса рубля в условиях кризисной неопределенности и падения цен на нефть. В результате тогда удалось сохранить стабильность рубля и затем нарастить (хотя и не до докризисного максимума) валютные резервы по мере роста цен на нефть. Однако оборотной стороной этого стало сохранение завышенного в новых условиях курса рубля и, соответственно, торможение структурной модернизации – после отскока 2009–2010 гг. возоблдала модель *business as usual* (обычный порядок ведения дел).

Таким образом, следует выделить ряд ключевых черт ситуации в России, которые будут определяющими для дальнейшего развития событий:

- политическая консолидация общества;
- стагфляция как ключевая проблема макроэкономики – это следует признать, несмотря на отсутствие пока роста безработицы (достаточно резкого торможения при скачке инфляции);
- потребность проведения последовательных институциональных реформ, способных обеспечить конкурентоспособность национальной экономики и отдельных фирм.

1.2.4. Экономическая политика в контексте накопленного опыта

Проблемы и вызовы настоящего времени не являются беспрецедентными. Поэтому при анализе сегодняшней ситуации имеет смысл опираться на существующий отечественный и международный опыт, на прецеденты относительно недавнего прошлого. Этот опыт не может восприниматься как непосредственное руко-

водство к действию, однако он важен для понимания контекста решаемых в настоящее время задач.

Особое внимание стоит обратить на следующие события и обстоятельства.

Прежде всего уместно проанализировать опыт двух предыдущих структурных кризисов XX в. – 1930-х и 1970-х годов. Структурный кризис не тождественен спаду, в его рамках могут чередоваться периоды рецессии и роста. Он представляет собой примерно десятилетний период турбулентности, в результате которого формировалась новая модель экономического роста, новые валютные конфигурации и новая доминирующая экономическая доктрина. Его политическое и интеллектуальное влияние сохраняется на десятилетия¹. Опыт показывает, что каждый кризис качественно отличается от предыдущего, а потому подготовиться к нему нельзя. Сколько бы Б. Бернанке не уверял М. Фридмана², что новое поколение экономистов не повторит ошибок регуляторов периода Великой депрессии 1930-х годов, неповторение ошибок не спасло от серьезных макроэкономических проблем и не отменило необходимость проведения серьезных структурных реформ для преодоления «великой рецессии».

Для современной России особенно важны как опыт стагфляционной экономики 1970-х годов, так и выход из нее при помощи сочетания структурных реформ (последовательной либерализации), жесткой денежной политики и бюджетного стимулирования. Выход из стагфляции требует более жестких макроэкономических решений и не сводится к стандартным кейнсианским рецептам. В начале 1980-х годов выход из кризиса в США был найден благодаря сочетанию либерализационных мер (начатых еще в конце 1970-х при Дж. Картере), жесткой денежной политике руководителя ФРС П. Волкера³, приведшей на первом этапе ее реализации к рецессии, и бюджетной экспансии администрации Р. Рейгана. Бюджетная экспансия 1980-х годов компенсировала денежную жесткость и связанные с ней высокие процентные ставки, создавая дополнительный спрос в экономике.

Для нас важны и уроки экономического развития СССР в последнее десятилетие его существования. На рубеже 1970–1980-х годов экономическое и политическое положение страны выглядело сверхустойчивым. «Единство партии и народа» в совокупности с высокими ценами на нефть (которые в реальном выражении находились примерно на уровне 2013 г.) позволяли реализовывать практически любой внутри- и внешнеполитический курс, поддерживая дружеские режимы в

---

¹ По словам Б. Бернанке, «Великая депрессия породила саму макроэкономическую теорию..., а опыт, пережитый в 1930-е годы, продолжает влиять на макроэкономические ожидания, политические рекомендации и тематику научных исследований» (Bernanke Ben S. The Macroeconomics of the Great Depression. A Comparative Approach // Journal of Money, Credit and Banking. 1995. Vol. 27. No 1. P. 1).

² Выступая на 90-летию Милтона Фридмана, Б. Бернанке (в то время профессор Принстонского университета и член совета директоров ФРС) говорил: «Позвольте мне немного злоупотребить моим статусом как официального представителя ФРС. Я хотел бы сказать Милтону и Анне [Шварц]: что касается Великой депрессии – вы правы, это была наша вина. И мы очень огорчены. Но благодаря вам это больше не повторится».

³ Вступая в должность председателя ФРС в июне 1979 г., П. Волкер сказал: «Мы столкнулись с трудностями, которые до сих пор еще не встречались в нашей практике. У нас больше нет эйфории..., когда мы возомнили, что знаем ответы на все вопросы, касающиеся управления экономикой».

разных регионах мира. Запад проходил через системный кризис, и, казалось, влияние его ослабевало. Однако в начале 1980-х годов капиталистические страны вышли из кризиса структурно обновленными, их рост начал превышать советский. Ответом СССР стала политика ускорения (она предшествовала перестройке, т.е. институциональным реформам), которая по времени совпала с падением цен на нефть в 2,5–3 раза и привела к повышению темпов роста в течение двух лет, после чего произошла экономическая катастрофа. Иными словами, мы видим, что темпы экономического роста в условиях структурного кризиса не могут быть самоцелью, а между экономической стабильностью и крахом может пройти всего три года, два из которых экономика будет расти повышенными темпами.

Наконец, следует обратить внимание на опыт новой экономической политики (нэп) 1921–1927 гг. Это была попытка сочетания государственной экономики с рыночными принципами хозяйствования. Ключевой ее проблемой было открытое недоверие коммунистического руководства СССР к частному сектору, который тогда количественно доминировал в народном хозяйстве. Отсутствие взаимного доверия власти и бизнеса в совокупности к регулярно принимаемым решениям в интересах государственных трестов и вопреки интересам частных производителей приводило к тому, что бизнес весьма сдержанно относился к перспективам расширения своего производства, причем в первую очередь это касалось крестьянских хозяйств, которые тогда доминировали в экономике. Почти все известные экономисты утверждали, в том числе со ссылками на работы В.И. Ленина, что для обеспечения устойчивого роста и модернизации необходимо обеспечивать баланс интересов («смычку») государственного и частного секторов, промышленности и сельского хозяйства, обеспечивать необходимую пропорциональность развития секторов¹.

Однако этот путь предполагал умеренные темпы роста при рисках утраты политической власти руководством компартии – «государством диктатуры пролетариата». Высшее руководство выбрало путь отказа от экономической логики и решения экономических проблем административными и политическими мерами: частный сектор в ускоренном порядке был уничтожен, а отобранные у него ресурсы направлены на индустриализацию. Экономико-политические цели были достигнуты, однако ценой больших потерь – не только институциональных, но и человеческих. Иными словами, государство всегда имеет возможность выйти за пределы экономической логики, поскольку политические задачи в краткосрочном периоде доминируют над экономической проблематикой².

Обратим внимание, что руководство Китая после трех десятилетий экспериментирования с традиционной советской (мобилизационной) моделью приняло в

---

¹ Модель сбалансированной индустриализации разрабатывалась Н. Кондратьевым, В. Базаровым и рядом других экономистов, группировавшихся вокруг Наркомфина и Госплана. На политическом уровне за нее выступали Н. Бухарин, А. Рыков и Г. Сокольников. Лозунгом этой модели стал призыв к крестьянам богатеть, рассчитывая на «врастание кулака в социализм» (Дискуссии подробно описаны в книгах: Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР, 1924–1928. М.: Дело, 2010; Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М.: Дело, 2012).

² «Политика есть концентрированное выражение экономики», – говорил В.И. Ленин. Но здесь же он добавлял: «Политика не может не иметь первенства над экономикой» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 42. С. 278).

1978 г. принципиальное решение о повороте к экономической логике индустриализации, что за следующие 30 лет вернуло ей утраченный в XIX в. статус крупнейшей экономики мира.

1.3. Дискуссии об экономической политике и стимулировании роста

Ключевой проблемой современного развития России является, несомненно, экономический рост. Начиная с 2000 г. страна росла в основном темпами, превышающими среднемировые, что сформировало определенные ожидания – не только экономические, но главным образом политические. На протяжении последних двух лет ситуация оказалась иной, причем практически все экономисты и политики признают, что торможение определяется не конъюнктурными, а фундаментальными, прежде всего институциональными факторами. Практически все писали и о том, что модель роста, основанная на вовлечении доступных ресурсов (производственных мощностей, рентных доходов) и тем самым на расширении спроса, не может быть устойчивой и долгосрочной. Для выхода на траекторию устойчивого роста необходимы институциональные реформы, т.е. формирование устойчивых правил игры, понятных хозяйственным субъектам и позволяющих им прогнозировать последствия тех или иных экономических решений. В данном случае речь идет даже не о конкретном наборе мер – важно, чтобы эти правила существовали, соблюдались и были бы понятны субъектам хозяйственной жизни.

Как было отмечено выше, краткосрочный экономический рост (рост любой ценой) не может быть самоцелью, поскольку важен именно рост, устойчивый в долгосрочной перспективе и сопровождаемый модернизацией.

Вокруг вопроса об источниках этого роста и ведутся основные дискуссии.

1.3.1. Две модели экономического роста

Для экономического роста нужны инвестиции. В условиях ограниченности доступа к внешним рынкам ключевое внимание следует уделить внутренним источникам инвестиций. И здесь существует традиционная развилка: должны ли инвестиции обеспечиваться прежде всего государством или же частным бизнесом?

Первый сценарий является по форме административным, а по сути – мобилизационным. Государство, разочаровавшееся в готовности бизнеса инвестировать, может сконцентрировать ресурсы у себя и направить их в приоритетные секторы экономики. Этот путь, хорошо известный из опыта XIX и XX вв., может привести к повышению темпов роста, но на этом пути очень трудно обеспечить эффективность и глобальную конкурентоспособность отечественной экономики. Для решения задач ускоренной индустриализации лучше всего использовать бюджет и государственные банки – именно так в изложении А. Гершенкрона¹ выглядели институты развития того времени. Источники – это налоги, накопленные резервы, государственные заимствования и печатный станок (кредитование правительства

---

¹ Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective // Gerschenkron, Alexander. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1962.

кредитором последней инстанции). Причем последние два источника тесно переплетены – госзаймы в конечном счете финансируются Центральным банком.

В настоящее время частыми стали предложения поручить Банку России выдавать кредиты под крупные инвестиционные проекты предприятий (по-видимому, одобренные государством) под «доступные» (существенно ниже инфляции) проценты. Очевидно, что мобилизационный путь предполагает эмиссионное финансирование – если не бюджета, то квазибюджетных операций. Он неизбежно сводится к трем шагам: собрать или напечатать деньги, раздать их правильным образом отобранным предприятиям, а также ввести валютный контроль (ограничить конвертируемость национальной валюты), чтобы не допустить попадания эмитированных денег на валютный рынок. Эта логика на следующем этапе с неизбежностью (как свидетельствует опыт многих стран XX в.) приводит к замораживанию цен (введению государственного контроля за ценами) и заработной платы. Эти тезисы изначально никогда не озвучиваются, но они являются обязательными условиями реализации административного (мобилизационного) сценария.

Другой сценарий экономической политики является экономическим (а по сути либерализационным) и направлен на создание стимулов для формирования частных сбережений, трансформацию их в инвестиции и на этой основе – ускорение экономического роста. Он более сложен интеллектуально и организационно, поскольку многие решения требуют обсуждения и тщательной проработки. Он не дает быстрых результатов, так как требуется определенное время для достижения доверия между экономическими агентами (предпринимателями, работниками, государством), без которого не будут проходить экономические сигналы. Преимуществом этого подхода является то, что он дает более устойчивые результаты и существенно снижает амплитуду политических и экономических колебаний.

Либерализационный вариант не был популярен в условиях классической догоняющей индустриализации первой половины XX в. Однако за последние десятилетия, по мере роста постиндустриальной модели, он получает распространение не только при преодолении кризисов в развитых странах, но и при решении задач догоняющего развития в развивающихся странах. Наиболее масштабным примером такого рода развития является Китай после 1978 г. и особенно после подавления студенческих волнений в 1989 г., когда против этой страны были применены экономические санкции. Несмотря на доминирование в Политбюро ЦК КПК сторонников мобилизационной точки зрения, Дэн Сяопин настоял на принятии шагов в направлении последовательной либерализации и расширения частной инициативы. Именно в результате этой либерализации в Китае с 1992 г. и начался бурный рост инвестиций и ВВП¹.

Есть и другие примеры ускоренного роста на основе либерализации (Чили, Финляндия, Ирландия, ЮАР, Польша), а вот примеров ускоренного роста в рамках мобилизационной модели за последние полвека привести нельзя.

Поскольку каждый структурный кризис приводит к переоценке и пересмотру модели регулирования экономики, вопрос о перспективах либеральной модели и

---

¹ Киссинджер Г. О Китае. М.: АСТ, 2014. С. 469–475; Кадочников П., Пташкина М. Либерализация внешней торговли в Китае: ответ на вызовы начала 1990-х годов // Экономическая политика. 2014. № 6. С. 103–113.

возможности возврата к масштабному государственному вмешательству возник уже в 2008 г., сразу после краха одного из ведущих американских инвестиционных банков Lehman Brothers. Поначалу казалось, что кризис обернется возвратом «большого государства». Но вскоре зазвучали предостережения от грубого вмешательства государства в экономическую жизнь, от вульгарного кейнсианства (Crass-Keynesianism). Одним из первых с такими предостережениями уже в начале 2009 г. выступил В.В. Путин: «Известно, что во времена кризиса силен соблазн простых и популистских решений... Возможная ошибка – это чрезмерное вмешательство в экономическую жизнь со стороны государств, слепая вера во всемогущество государства. Да, усиление его роли в условиях кризиса – это естественная реакция на провалы рыночного регулирования. Однако вместо того, чтобы заняться совершенствованием рыночных механизмов, появился соблазн максимально расширить непосредственное участие государства в экономике... В Советском Союзе в прошлом веке роль государства была доведена до абсолюта. Что в конце концов привело к тотальной неконкурентоспособности нашей экономики, мы за это дорого заплатили. Этот урок нам дорого обошелся. Уверен, никто не хотел бы его повторять»¹. О необходимости либерализации условий деятельности бизнеса, обеспечения свободы предпринимательской деятельности говорилось и в Послании президента России в декабре 2014 г.

1.3.2. Механизмы обеспечения роста

В настоящее время опыт бюджетного и денежного стимулирования является одной из наиболее популярных тем экономических дискуссий. Развитые страны Запада (включая Японию, если «Запад» понимать в экономико-политическом, а не в географическом смысле) активно задействуют эти методы, хотя и с неоднозначными результатами. Часто раздаются призывы использовать эти инструменты в России. Однако макроэкономическая ситуация здесь радикальным образом отличается от Запада.

В отличие от Запада, где основными проблемами являются высокий долг и (или) бюджетный дефицит при исключительно низкой инфляции (или даже дефляции), в России экономическое торможение происходит на фоне достаточно устойчивого бюджета, низкого государственного долга при высокой инфляции, которая в 2014 г. вернулась к двузначным цифрам. Иными словами, в России речь идет о стагфляции, которая не лечится методами количественных смягчений. Напротив, преодоление стагфляции требует ужесточения денежной политики, подавления инфляции до приемлемых для возобновления экономического роста уровней и только на этом фоне – снижения процентных ставок. Повторим: опыт Запада рубежа 1970–1980-х годов для России наших дней представляется более актуальным.

В России сейчас невозможен путь денежного стимулирования (quantitative easing), поскольку его результатом были бы дальнейшая дестабилизация, ускорение инфляции и спад экономической активности. Тем более что у России не очень хорошая «кредитная история» инфляции – она является высокоинфляционной страной вот уже на протяжении четверти века.

---

¹ Путин В.В. Выступление в Давосе 29 января 2009 г. // <http://www.vesti.ru/doc.html?id=246949>

Не решают проблему и стимулирование роста и административное снижение процентной ставки. Дороговизна кредитных ресурсов в России определяется не столько ставкой рефинансирования (или ее аналогом в той или иной форме, например, ключевой ставкой), сколько уровнем доверия к проводимой политике и к надежности контрагентов. Это легко заметить по разрыву между ставкой Центрального банка и коммерческими ставками, по которым выдаются кредиты бизнесу. В России этот разрыв достаточно велик по сравнению с другими развитыми странами (табл. 6).

Таблица 6

**Спред между кредитной и учетной ставками центральных банков
в отдельных странах мира, 2013 г.**

Страна	Учетная ставка	Кредитная ставка	Спред
	% годовых	% годовых	п.п.
США	0,75	3,25	2,50
Канада	1,25	3,00	1,75
Япония	0,30	1,30	1,00
Бразилия	16,49	27,39	10,90
Китай	3,25	6,00	2,75
Индия	8,75	10,29	1,54
ЮАР	5,00	8,50	3,50
Россия	5,50	9,47	3,97

Важным фактором доверия является и устойчивость национальной валюты. В этом отношении 2014 г. был крайне тяжелым для рубля. Рубль оказался под давлением двух мощных внешних факторов – обострения геополитической ситуации и динамики цены на нефть.

Не только процентная ставка (доступность денег) является важным фактором денежной политики, влияющим на экономический рост. Не менее значимо и доверие к национальной валюте. В условиях сочетания экономических санкций и падающей цены на нефть рубль оказался одной из наиболее неустойчивых валют, что резко отличает нынешнюю ситуацию от 2008–2009 гг. Теперь проблемой становится не обменный курс как таковой, а его стабильность на новом равновесном уровне.

Несмотря на то что российские власти в 2014 г. неоднократно отвергали возможность введения валютного контроля, было бы неправильно полностью списывать этот инструмент из арсенала денежной политики. Могут возникнуть обстоятельства, при которых введение элементов валютного контроля оказывается целесообразным, и в этой ситуации важно учесть те ограничения, о которых говорилось выше¹.

С точки зрения денежной политики ключевой задачей предстоящего периода становится подавление инфляции. Двухзначная инфляция и порождаемые ею высокие номинальные процентные ставки являются сегодня главным макроэкономическим препятствием для экономического роста. Необходимо последовательно реализовывать подавление инфляции до целевых 4% за ближайшие три года. Это непростая, но решаемая задача. При всех бюджетных проблемах, создаваемых не-

¹ Jeanne O. Putin Has One Weapon to Protect the Rouble – He Must Use It Wisely // The Financial Times. 2014. December 23.

высокими ценами на нефть (если реализуется такой сценарий), возникает возможность выйти из ловушки «голландской болезни», что существенно упрощает проведение дезинфляции.

Если денежная ситуация в России существенно сложнее, чем на Западе, то бюджетная, напротив, выглядит гораздо стабильнее благодаря низкому государственному долгу и стремящемуся к нулю бюджетному дефициту. Казалось бы, это создает определенное пространство для бюджетного стимулирования. Однако на самом деле возможности количественного роста бюджетных расходов весьма ограничены, и тому есть несколько причин.

Во-первых, ограниченность ресурсов дополнительного финансирования. Рынки внешнего долга для России закрыты. Нарращивание внутреннего долга в условиях практически нулевых темпов роста будет оттягивать ресурсы от частных инвестиций или сведется к выкупу государственного долга Центральным банком. В обоих случаях есть риск получить эффект, обратный ожидаемому: вместо стимулирования экономического роста дополнительный бюджетный спрос уйдет в инфляцию. Дополнительный спрос за счет финансирования из средств накопленных суверенных фондов может дать определенный эффект, но их будет явно недостаточно, учитывая существующие внешние и внутренние ограничения.

Во-вторых, остается открытым вопрос о наличии внутренних резервов для адекватной реакции на повышение спроса. Оценки производственного потенциала, обсуждаемые в настоящее время среди экономистов, противоречивы. С одной стороны, ряд исследований показывает, что экономика находится почти на границе производственных возможностей и дальнейший рост требует повышения совокупной факторной производительности¹. С другой стороны, по данным Росстата, загруженность производственных мощностей составляет порядка 60–65%, причем аналогичные результаты дают и опросы предприятий, проводимые ИЭП имени Е.Т. Гайдара².

Однако если вопрос о свободных производственных мощностях может быть дискуссионным, то низкая безработица и сокращение численности населения в трудоспособном возрасте являются серьезным барьером для позитивной реакции бизнеса на повышение спроса. Внешняя миграция также перестает быть источником дополнительной рабочей силы, поскольку девальвация рубля снижает привлекательность работы в России, и поток мигрантов в конце 2014 г. начал сокращаться.

В-третьих, проблемой является структура бюджетных расходов с точки зрения их влияния на экономический рост³. За последние несколько лет она претерпела

---

¹ Синельников-Мурылев С., Дробышевский С., Казакова М. Декомпозиция темпов роста ВВП России в 1999–2014 гг. // Экономическая политика. 2014. № 5. С. 7–37.

² «Средний уровень загрузки производственных мощностей, по оценке опрошенных руководителей, в декабре 2014 г. составил 62%. 91% респондентов считают, что их производственные мощности обеспечат удовлетворение ожидаемого в ближайшие 6 месяцев спроса на продукцию, из них 11% указывают на избыточность имеющихся мощностей» (Росстат. Деловая активность организаций в России. Декабрь 2014. // http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/264.htm).

³ IMF. Unproductive Public Expenditures: A Pragmatic Approach to Policy Analysis. Prepared by Keyoung Chu, Sanjeev Gupta, Benedict Clements, Daniel Hewitt, Sergio Lugaresi, Jerald Schiff, Ludger Schuknecht, and Gerd Schwartz // IMF Pamphlet Series. 1995. No 48.

существенные изменения. Расходы, способствующие росту запасов и качества факторов производства (труда и капитала), а также повышению совокупной факторной производительности (эффективности использования факторов производства, прежде всего – вложений в инфраструктуру) не увеличились, а по некоторым статьям сократились в долях ВВП. Одновременно увеличивалась доля непроизводительных расходов – на оборону, государственное управление, охрану правопорядка. Понимая политическую значимость некоторых из этих расходов, нельзя игнорировать, что этот структурный сдвиг ограничивает результативность бюджетного стимулирования¹.

Словом, бюджетное стимулирование само по себе требует проведения соответствующих институциональных реформ и повышения эффективности бюджетных расходов. Последнее делает необходимым продвижение по крайней мере в двух направлениях: как осуществления бюджетного маневра в пользу отраслей с более высокой бюджетной эффективностью (прежде всего это социальная и транспортная инфраструктура), так и совершенствования бюджетных процедур.

Отдельной проблемой является функционирование бюджетного правила – способа использования конъюнктурных доходов в текущей бюджетной политике. В 2014 г. велась острая дискуссия по вопросу целесообразности сохранения правила, требующего резервировать сверхдоходы от нефти и газа. Пока цена на нефть оставалась высокой, на Министерство финансов России оказывалось давление с целью направления всех доходов в бюджет для компенсации снижающейся деловой активности за счет государственных вливаний. Когда же цены на нефть стали резко падать и, в соответствии с бюджетным правилом, накопленные резервы должны были быть направлены на компенсацию выпадающих доходов, Минфин России предложил признать бюджетное правило фактически отмененным и провести секвестр расходов, чтобы сохранить резервы на будущее.

Однако в дискуссии о бюджетном правиле существует важный аспект, касающийся принципов проведения экономической политики в условиях значительного влияния рентных доходов. Несомненна необходимость формирования специальных механизмов, смягчающих зависимость бюджета (и всей экономической системы) от непредсказуемых конъюнктурных колебаний. На протяжении предшествующего десятилетия эта проблема решалась путем выведения части сверхдоходов в суверенные фонды (в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния). Это было гораздо лучше, чем расходовать всю ренту в текущем бюджете, как это делал Советский Союз в 1970–1980-е годы. Однако опыт 2009–2012 гг. продемонстрировал серьезный недостаток такого рода сбережения: наличие «подушки безопасности» дестимулирует модернизацию. Кризис же, напротив, – это время, которое подталкивает к модернизации, однако наличие ресурсов позволяет его смягчить в логике *business as usual*.

По нашему мнению, в настоящее время требуется переосмыслить саму идеологию использования конъюнктурных сверхдоходов и, соответственно, бюджетного

---

¹ Кнобель А.Ю., Соколов И.А. Оценка бюджетной политики РФ на среднесрочную перспективу // Экономическое развитие России. 2012. № 12 (19). С. 23–32; Идрисов Г.И., Синельников-Мурылев С.Г. Бюджетная политика и экономический рост // Вопросы экономики. 2013. № 8. С. 35–59; Идрисов Г.И., Синельников-Мурылев С.Г. Формирование предпосылок долгосрочного роста: как их понимать? // Вопросы экономики. 2014. № 3. С. 4–20.

правила. С учетом российских политических реалий представляется целесообразным более жестко определить цену отсечения конъюнктурных доходов (зафиксировать ее на достаточно низком уровне) и балансировать текущий бюджет (т.е. бюджет возобновляемых обязательств) на уровне доходов, максимально защищенных от влияния внешних факторов. В случае же появления дополнительных рентных доходов их следует направлять на формирование бюджета развития, т.е. финансировать расходы с конечным временным горизонтом. Такая модель позволяла бы активнее инвестировать в развитие при благоприятной конъюнктуре и не создавала бы искушения заливать проблемы деньгами при наступлении кризиса.

Притом что проблемы макроэкономической стабильности выходят на передний план как необходимое условие экономического роста, перед страной по-прежнему стоит задача осуществления комплекса институциональных реформ, о которых в последние годы уже много было сказано¹. Среди *приоритетов* ближайшего времени выделяются следующие:

- обеспечение правовой и политической защищенности предпринимательской деятельности как ключевой предпосылки самого существования рыночной экономики;
- обеспечение конкуренции во всех секторах экономики (это особенно актуально в нынешних условиях санкций и девальвации рубля, которые являются факторами существенного ограничения конкуренции со стороны иностранных производителей);
- снижение административных барьеров для ведения бизнеса;
- приоритетное развитие отраслей человеческого капитала – образования и здравоохранения;
- повышение эффективности финансовой системы при сохранении задачи формирования в России международного финансового центра в качестве одного из институциональных ориентиров;
- повышение эффективности деятельности инфраструктурных монополий и компаний с государственным участием, превращение их из институционального источника инфляции в инструмент контрциклической инвестиционной политики;
- повышение эффективности рынка труда, обеспечение его гибкости и стимулирование мобильности рабочей силы, стимулирование перемещения ее в точки (отрасли, регионы) экономического роста;
- формирование современной модели внешнеэкономической политики, основанной на активном участии в формировании интеграционных групп и глобальных цепочек добавленной стоимости.

* * *

В 2008 г. часто писали о том, что «кризисом надо воспользоваться» для модернизации экономической и общественной жизни. Тогда этот принцип реализовать не удалось. Остается надеяться, что урок пятилетней давности будет усвоен.

---

¹ Мау В. Между модернизацией и застоём: экономическая политика 2012 года // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 4–23.